Экология сельского мира глазами крестьян

В.Г. Виноградский, О.Я. Виноградская

Валерий Георгиевич Виноградский, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru

Ольга Яковлевна Виноградская, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape58@yandex.ru

Статья посвящена экологической проблематике сельских территорий, которая постепенно накапливалась на протяжении всего минувшего столетия в ряде российских регионов. Особенностью представленного исследования является то, что экологическая история сельских территорий рассмотрена посредством рефлексии самих крестьян, постоянно пребывающих и действующих в мире сельской повседневности. Авторы на анализе большого объема нарративного материала, собранного ими в ходе социологических экспедиций на протяжении последних 25 лет, предлагают рассматривать экологическую проблематику сельских территорий в разных исторических периодах не только как непрерывную смену социумами способов поиска своих мест «в семье природы», но и постепенного отгораживания себя от неё. Они разделяют экологическую историю российских сельских территорий минувшего столетия и начала XXI века на четыре примерно равных по продолжительности периода: «старый», или «общинно-единоличный» (1929–1931 годы); «новый», или «колхозно-совхозный», — с начала коллективизации до конца 1950-х — начала 1960-х годов; «зрелый», «позднеколхозный», от начала 1960-х и до начала 1990-х годов; «новейший», «фермерско-агрохолдинговый», открылся аграрным реформированием 1990–2000-х годов и продолжается в настоящее время. В настоящей статье представлена обобщенная картина, характеризующая социально-экологическую ситуацию в ряде ключевых регионов сельской России на протяжении первых трех периодов. Авторы полагают, что «новейший», «фермерско-агрохолдинговый» период экологической истории российских сел, в силу радикальности вызванных им изменений, должен быть рассмотрен в особом исследовании.

Ключевые слова: сельская экология, сельский мир, экологическая проблематика, сельские территории, хозяйственные практики крестьянских домохозяйств, природоохранные институции, экологическое поведение, местная экосистема

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-1-70-97

Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-00029.

Понимание сути экологической проблемы. Времена и места экологических событий

Экологическая проблематика городских поселений постоянно находится в зоне придирчивого и неослабевающего внимания политиков, управленцев, специалистов и ученых разных профилей — это очевидный факт. И он не нуждается в особых доказательствах. Хотя в самом термине «город» — сам язык говорит об «от-гороженности» этой формы расселения от природной среды.

Вместе с тем экология сельской местности до сих пор еще не вошла в активную зону дискурсивного общественного пространства — деревня привычно выглядит в общественном мнении неким экологическим парадизом. Куда, как не в деревню, горожане едут за тишиной, чистым воздухом, натуральными рекреационными удовольствиями. Правда, в самое последнее время кризисные экологические ситуации начали систематически перебрасываться и в негородские пространства — имеется в виду начавшаяся в 2017 году скандальная эпопея с подмосковными свалками. Вместе с тем настоящая деревенская глубинка представляется пока что свободной от большинства экологических неурядиц и временами даже бедствий, очевидно присущих индустриальным и просто крупным городам.

Таков общий взгляд. Вместе с тем для сосредоточенного понимания сути проблемы — какова на самом деле сельская экология — очень важны как раз детали. Попробуем восполнить этот информационный пробел и описать некоторые важные элементы эволюции природного мира русской деревни, всмотревшись в него глазами самих крестьян, постоянно в этом мире пребывающих и ежедневно действующих. Попытаемся провести инвентаризацию основных компонентов сельской экологической среды, причем не одномоментную, а взятую в 60-летней исторической ретроспективе. Документальные свидетельства для реализации такого намерения были собраны в ходе крестьяноведческих экспедиций, проходивших на рубеже последних веков в ряде российских регионов. Эти данные будут представлены здесь в двух основных жанрах. Во-первых, как подлинные крестьянские нарративы, записанные в ходе интервьюирования респондентов, и, во-вторых, как отдельные эмпирические обобщения самих участников экспедиций, оформленные в виде заметок, попутных впечатлений, записей из полевых дневников, а также кратких тематических отчетов. Документальные свидетельства были получены с использованием инструментария, базирующегося на принципах качественной социологической методологии и «двойной рефлексивности». Работа была проведена в шести ключевых аграрных регионах России, а также в Республике Беларусь. Было обследовано семнадцать сельских поселений.

Нам представляется, что для проведения инвентаризации имеющегося большого объема нарративного материала необходимо вы-

делить какой-то основной критерий, по которому тот или иной момент крестьянской повседневности можно безошибочно связать с экологической проблематикой. Для этого необходимо определиться с самим термином «экология», который начиная со времени Эрнста Геккеля[1] стал постепенно употребляться почти во всех сферах научной деятельности. Сегодня экология рассматривается некоторыми исследователями как «форма организации знания», которая своим мировоззрением «инфицировала» почти все его отрасли (Креймер, 2013: 126, 139). Такое широкое (прикладное) терминологическое использование экологии, с нашей точки зрения, не только не помогает «организации» той или иной отрасли знания, но и выхолащивает суть самого термина, заложенную его автором в XIX веке. В результате в настоящее время практически все теоретические знания об экологии, в широком смысле, сведены к изучению взаимодействий между обществом и природой, как некой *внешней* (по отношению к человеку) «необузданной» силы, и носят по большей части финансово-экономический, политический или даже этический характер.

Геккель, который, по словам исследователей его творчества (Egerton, 2013: 226), хорошо знал греческий, образовал термин «экология» из двух древнегреческих слов — οἶκος (дом, жилище, местопребывание) и λόγος[2] (словари обычно переводят его как понятие, учение, наука), буквальный перевод которых на современный язык может означать, что речь идёт об учении о «доме». О каком доме идёт речь? В одном из своих определений *экологии* Геккель даёт ответ на этот вопрос, выделяя важные словосочетания фразы раз-

1. По мнению большинства исследователей, авторство термина «экология» принадлежит Эрнсту Геккелю (1834–1919), немецкому врачу, зоологу и естествоиспытателю, известному также своими многочисленными теоретическими трудами по философии природы. Считается, что Геккель впервые использовал этот термин в 1866 году в своём труде «Generelle Morphologie der Organismen», здесь же он дал и его общее определение: «Под экологией мы понимаем общую науку о взаимоотношениях организма с окружающим внешним миром, к которому мы в более широком смысле в состоянии причислить все “экзистенциальные условия”. Они частично органической, частично неорганической природы; и, как мы показали ранее, как эти, так и те, имеют наибольшее значение для формы организмов, потому что они тем самым побуждают их адаптироваться к ним» («Unter Oecologie verstehen wir die gesammte Wissenschaft von den Beziehungen des Organismus zur umgebenden Aussenwelt, wohin wir im weiteren Sinne alle “Existenz-Bedingungen” rechnen können. Diese sind theils organischer, theite anorganischer Natur; sowohl diese als jene sind, wie wir vorher gezeigt haben, von der grössten Bedeutung für die Form der Organismen, weil sie dieselbe zwingen, sich ihnen anzupassen») (Haeckel, 1866: 286).
2. Этимологически древнегреческое слово λόγος произошло от λέγω — говорить, первоначальное значение которого было — собирать, сосредоточивать (Η εκκλησία, 2013).

рядкой, — речь идёт «о взаимоотношениях организма с окружающим внешним миром, к которому мы в более широком смысле в состоянии причислить все “экзистенциальные условия”» («von den Beziehungen des Organismus zur umgebenden Aussenwelt, wohin wir im weiteren Sinne alle “Existenz-Bedingungen» rechnen können») (Haeckel, 1866: 286). При этом «Existenz-Bedingungen» — это условия, которые *позволяют* существование организма через принуждение его к *собранности* с собой, в своём *собственном* οἶκος. Понятая таким образом *экология* уходит от односторонности и механистичности во взаимоотношениях организма с окружающим внешним миром, рассматривая последний в качестве *места*, «которое каждый организм берёт в семье природы» (Haeckel, 1866: 287), становясь при этом с ней единым целым.

В настоящей статье авторы предлагают рассматривать экологическую проблематику сельских территорий в разных исторических периодах не только как непрерывную смену социумами способов поиска *своих мест* «в семье природы», но и постепенного *отгораживания* себя от неё.

Экологическая история российских сел на протяжении всего минувшего столетия и начала XXI века может быть разделена — в той мере, в какой это позволяет сделать собранный в ряде экспедиций историко-социологический материал, — на четыре примерно равных по продолжительности периода. Первый из этих периодов, который условно можно назвать «старым», или «общинно-единоличным», приурочен ко времени, предшествующему событиям коллективизации 1929–1931 годов; второй, «новый», или «колхозно-совхозный», — с начала коллективизации до конца 1950-х — начала 1960-х годов; третий, или «зрелый», «позднеколхозный», от начала 1960-х и до начала 1990-х годов; и, наконец, четвертый, или «новейший», по преимуществу «фермерско-агрохолдинговый», открылся аграрным реформированием 1990–2000-х годов, отмеченным радикальными изменениями экономической и социальной моделей развития. Он происходит в обстановке современных российских социально-экономических и организационно-политических реалий.

Каждый из перечисленных периодов обладал своими особенностями и характеризовался специфическими отличительными чертами. Не исключено, что и сами разделительные метки между этими периодами можно было бы фиксировать по целому перечню критериев. И если переход от «старого», «общинно-единоличного» периода природопользования к «новому», «колхозно-совхозному», связан прежде всего со сменой организационной модели хозяйствования, то уже трансформация этого последнего этапа в «позднеколхозный» и особенно «новейший», неразрывно связана и обусловлена сначала с массовым приходом в село индустриальной цивилизации с ее неизменными атрибутами механизацией, электрификацией и химизацией, а затем и радикального обновления всех технологических и менеджерских практик последних 10–15 лет.

Но содержанием всего этого, уже почти столетнего, периода, его глубинной сутью следует, вероятно, признать деформацию, а часто и просто разрушение экологического равновесия между крестьянскими домохозяйствами и привычной средой их жизнедеятельности. Нельзя сказать, что подобные действия были исключительно сознательно целенаправленными и осуществлялись «сверху» как реализация некой злой управленческой воли. В ряде случаев такие последствия возникали по недосмотру и непрофессионализму управленцев, были результатом высокомерного пренебрежения к исконным крестьянским опытам.

Однако взятое в целом отлучение от природной среды носило вполне осознанный и целеустремленный характер и, более того, имеет все признаки долговременной государственной политики, которую можно назвать политикой «огосударствления» среды обитания. Разумеется, эта политика вовсе не имела в виду эскалацию экологического кризиса до масштабов национального экоцида, как считали некоторые комментаторы конца 1980-х гг., склонные к обостренному восприятию экологической проблематики (подробнее об этом см.: Ахиезер, 1990; Веклич, 2004; Докторов, 1990; Моисеев, 1982; Торопов, 2010; Уразаев, 2000; Хильми, 1975; Шубин, 1992; Яницкий, 1978).

Этот кризис, скорее, является ее побочным, хотя и весьма неприятным продуктом. На самом деле организаторы этой политики ставили перед собой другую, вполне прагматическую цель: снять те ограничения для быстрого экономического роста, которые накладывались на него старой общинной моделью природопользования и независимыми крестьянскими природоохранными институциями. И поскольку эта политика была подчинена «внешним» для крестьянского мира целям и не контролировалась на уровне села, она была и по сей день остается в крестьянских рассказах разновидностью стихийного бедствия, ниспосланного свыше, которое нельзя было предотвратить раньше и которому нельзя противостоять и по сей день: «жизнь виновата» *(Поволжье, деревня Красная Речка)*[3].

Следует уточнить, что в настоящей статье мы не будем касаться лишь «новейшего», «фермерско-агрохолдингового» периода экологической истории российских сел, поскольку считаем, что его рассмотрению, в силу радикальности вызванных им изменений, необходимо уделить особое внимание и посвятить этому особое изложение.

3. Здесь и далее в кавычках приводятся выдержки из крестьянских устных историй, записанных в ходе социологических экспедиций в сельских поселениях различных регионов сельской России и Белоруссии.

Экологическая проблематика сельских сообществ накануне коллективизации 1930-х годов

По сравнению с концом 1980-х — началом 1990-х годов (не говоря уже о последней четверти века) экологическая ситуация, наблюдаемая в «старой», «общинно-единоличной», доколхозной деревне, представляется респондентам вполне эталонной. Для них это своеобразный «золотой век», время очевидной, благоприятной как для повседневного хозяйствования, так и вообще жизни, т.е. жизни гармонии с природой.

Далее мы будем цитировать соответствующие оценки и мнения крестьян, характеризующие различные стороны социально-экологической проблематики. Следует предупредить, что, разумеется, нельзя некритически относиться ко всем этим высказываниям, но тем не менее рассказы о том, давно ушедшем, времени прочно удерживают в себе характеристики старого сельского мира. При чтении их остается ощущение стабильности, устойчивости, *собранности*, в своём *собственном* οἶκος, своеобразного экологического равновесия. Разумеется, его поддержание требовало особой организации общинного природопользования, специальных природоохранных институций, сложных правил экологического поведения, освященных традицией и основанных на религиозных морально-этических принципах. Размеры сельскохозяйственной деятельности ограничивались сравнительно небольшими потребностями семей и менялись только в зависимости от их размеров.

Одной из важных особенностей этого периода было существование понятия «своей», общинной, переходящей из рук в руки по жребию, земли, пашни, а также окрестных угодий — лесов, пастбищ, водных ресурсов, деревенских улиц, дорог, мостов, изгородей, колодцев, которые следует обязательно содержать в порядке, обихаживать и беречь. Этот список включает не только природные, но и хозяйственные объекты потому, чтобы они не «конфликтовали» между собой, а дополняли друг друга, и тогда проблемы территории для крестьян были сродни проблемам экологии.

> *«Раньше на реках нашего села было 9 водяных мельниц и 9 прудов, разводили гусей и уток. По берегам тянулись обширные полевые огороды. Сажали помидоры, огурцы, репу, капусту.*
>
> *Раньше хозяева косили прямо в лесу, на полянках и вырубках, поддерживая тем самым набор лесных трав, храня сено в стогах в лесу и поддерживая в порядке дороги к лесным сенокосам, регулярно их расчищая и поправляя» (Саратовская область, Новобурасский район, село Лох).*
>
> *«Ранее крестьяне обязательно меняли посевы на одной и той же земле. И сейчас агроном применяет севооборот. Но почему раньше*

земля была не в пример нынешней красивей и ухоженней? Потому что в старой деревне смена посевов и сельскохозяйственных культур была делом общедеревенским, а не только работой агронома. Все решалось сообща. И это ощущалось как справедливое и богоугодное дело. Чтобы бороться с сорняками, пашню двоили — пахали весной и осенью. Но главное — ручная, тщательная прополка проса и подсолнечника. Она и делала поля чистыми и красивыми. Сейчас пахотная земля запущена. Благополучие у крестьян связывалось с ручным трудом (севом, прополкой, сбором урожая)» (Белгородская область, Вейделевский район, село Викторополь, дневниковая запись[4]).

«Атамановка состояла из отдельных единоличных хозяйств, хаотично расположенных. Каждое имело дом, сад, огород, картофельную леваду, сенокос, пастбище, гумно, пахотные земли. Было оптимальное соотношение между средой природы и человека» (Волгоградская область, Даниловский район, хутор Атамановка, дневниковая запись).

Следует отметить, что водные ресурсы доколхозной деревни были поистине драгоценным достоянием любого сельского пространства, независимо от региона исследования. Дело в том, что по сравнению с колхозными и особенно постколхозными временами количество домашней скотины (особенно крупного рогатого скота) было неизмеримо более значительным. Крестьянским домохозяйствам ежедневно были потребны удобные, чистые, ухоженные естественные водопои. Поэтому реки, речки, ручьи, пруды всегда были под неусыпным присмотром всего крестьянского мира. Заболоченные территории запада России и Белоруссии также были включены в хозяйственно-экономические практики местного населения.

Таковы некоторые детали исторической экспликации типовых хозяйственно-экономических практик, характерных для западных областей России и, в частности, Белоруссии. Для сопоставления этой картины переместимся намного севернее, в Вологодскую область, а затем на несколько тысяч километров восточнее, в Сибирь (Алтай и Новосибирская область).

«До коллективизации отношения человека и природы строились на основе единоличного хозяйствования. Крестьяне сами осуществляли все работы на земле и в лесу. Реки использовались как естественные средства сообщения, источники чистой воды и рыболовные угодья. Пахота и сенокосы были основными источника-

4. Социологи в своих дневниках наблюдений, которые систематически велись в ходе экспедиций, записывали не только подлинные крестьянские рассказы, но и фиксировали собственные наблюдения. Здесь и далее эти цитаты будут помечены как «дневниковая запись».

ми существования. Лес был источником ценной древесины, дичи и пушного зверя. На земле всю работу регулировала община. Объемы сельскохозяйственной деятельности ограничивались возможностями и обусловливались потребностями конкретного домохозяйства. В свою очередь, потребности определялись в основном размерами семьи. Рынка сельскохозяйственных продуктов практически не существовало. Возможности определялись природными условиями северного края.

Земля обрабатывалась медленно, это было трудоемкое занятие. Естественные пахотные угодья располагались исключительно и только по берегам рек. Обширные сенокосы и пахотные пространства очень ценились. Поля удобрялись только навозом. Количество кормов регулировало и, как правило, ограничивало количество скота. Летом скот пасли в так называемой "поскотине", то есть на выгонах, непосредственно прилегающих к деревне, и со всех сторон огороженных заборными слегами, либо в окрестном северном мелколесье; луга же тщательно удобряли и берегли для сенокосов. Скотину крестьяне обычно гнали на летний выпас далеко вверх по реке» (Вологодская область, Кич-Городецкий район, деревня Уткино, дневниковая запись).

Таким образом, в составе хозяйственных практик отчетливо наблюдается в это «единоличное» время общая для всего населения конкретного села социально-экологическая настроенность, согласный мир, ведомый своего рода негласным экологическим императивом, вытекающим из потребностей физического выживания, и в то же время из стремления минимизировать технологические усилия. Короче говоря, крестьяне со своими актуальными жизненными потребностями аккуратно встраивались в местную экосистему.

«Лес был богат ягодами: брусникой, голубикой, черникой, клюквой, морошкой, малиной. Их собирали и заготавливали на зиму бочками. Сбор грибов для засолки был весьма элементарен. Просто с утра снаряжались всей семьей, ехали в лес телегой и привозили ее полную грибов. Использование леса было строго регламентировано. Существовали некие общепринятые правила лесопользования, которые крестьянами довольно строго соблюдались, а лесничими с объездчиками контролировались. Лес вырубался только зрелый, выборочно. По воспоминаниям А. Богдановой, в деревне осудили паренька, просто так рубанувшего живой древесный ствол топором» (Архангельская область, Пинежский район, деревня Кобелево, дневниковая запись).

И в данном сюжете крестьянские воспоминания фиксируют всё ту же общую заботу о ресурсном потенциале местных природных угодий и необходимых, но достаточных объемах его потребления. Ин-

тересно также посмотреть, какой была ситуация с добычей лесной дичи и рыбных запасов на Русском Севере. В этом же рассказе промелькивает сюжет об утилизации отходов крестьянской жизнедеятельности — тема, чрезвычайно обострившаяся в настоящее время, то есть целый век спустя.

> *«Охотничьи угодья в лесу были свои у каждого охотника. Каждый охотился на своих местах. Рыба ловилась в умеренных количествах — семга, сиг, хариус. Рыба была на крестьянском столе, но в меру. Страда естественным образом ограничивала время, свободное для рыбной ловли. Рыба бралась по потребности. Реки использовались как пути сообщения. Плавали на долбленках и карбасах. Лес сплавляли только плотами в большую воду. Реки использовали и для полоскания белья. Его стирали щелоком — древесной золой, заваренной кипятком. Для мочения льна и конопли использовалось озеро на Дюковом наволоке. Оно называлось "могильной ямой". Тогда же за кладбищем существовала свалка для мусора. Его вывозили туда на лошадях и сжигали (в пожароопасное время) под строгим присмотром. Охотники, лесорубы, заготовители уделяли большое внимание загашению и заливке костров в лесу» (Вологодская область, Кич-Городецкий район, деревня Леонтьевщина).*

Отметим попутно, что уходящие в глубину времени практики негласного, но, безусловно, прочного закрепления территорий охоты за конкретным человеком или семьей сохранились до настоящего времени. Изучая неформальные экономические форматы в Южно-Русском регионе (в частности, в кубанском Приазовье), мы убедились в том, что все наиболее уловистые участки берегов рек и особенно азовских лиманов точно и традиционно поделены между представителями наиболее авторитетных станичных кланов. Нарушение порядка рыбной ловли в этих местах чужаками жестоко, вплоть до физической расправы, пресекается. Крестьяне в своих повествованиях о доколхозных порядках землепользования (и в целом природопользования), об экологической составляющей подобного рода практик большое внимание уделяют именно земле.

Примерно такая же ситуация вырисовывается в Сибирском регионе. Вот характерные крестьянские высказывания по этому поводу:

> *Николай Федорович Куприяненко (1908 г.р.): «И лис, и волков, и зайцев было больше. Раньше урожаи были потому, что самостоятельные мужики вспахивали целину. Три-четыре года снимают урожай, пускают ее отдохнуть — не меньше трёх лет. Отдохнуть дал, потом ее опять пашет... Наш дед знал все. В Егорий — надо пахать. После него морозов не будет. Раньше залежь — снега мно-*

го. По три года земля отдыхала. Дожди часто были, урожай был. Урожай был потому, что Бога молили, не матерились. За мужиков молили» (Алтайский край, Завьяловский район, деревня Александровка).

Таким образом, экологические практики домохозяйств в Сибирском регионе (в данном случае — в Алтайском крае) принципиально не отличались от таковых, имевших место и на Русском Севере, и на западных границах России, а также в Белоруссии. Разным оказывалось природное окружение, и в меньшей степени — климатическое своеобразие указанных регионов. Однако эти разные сельские миры были исполнены того особого хозяйственно-экономического «настроения», в котором явно ощущается совокупная воля и традиционные практики общинного природопользования с его регламентационными, наблюдательно-ограничительными механизмами и санкциями. Как мы увидим, уже в колхозную эпоху таковые постепенно погасают и перерождаются.

Анна Матвеевна Панцевич (1908 г.р.): «В Плотниково было согласие с природой. Волостной староста следил за общим порядком в селе. Землемер отвечал за сохранность земель и лесов. Каждый хозяин имел свой надел. На нем были и посевы, и сенокосы. Хозяин мог рубить лес только на своем наделе. Даже дороги к наделам указывались сельским обществом. Лес был кругом деревни. Много ягод. В поле пашню корчевали. Поскотина была вокруг всей деревни. И лес, и поскотина были разделена на участки. И хозяин постоянно следил, чтобы не было потравы. Пасеки стояли в поле. Их никто не охранял» (Новосибирская область, Новосибирский район, село Плотниково).

Сходная по интенсивности и широкоохватности работа велась и в Тамбовской глубинке.

«Для того чтобы бороться с ежегодными разливами трех рек, строились мосты, ежегодно прорывались и постоянно поправлялись канавы для оттока талых вод в речки. В деревне была создана целая система водоотводов, которая поддерживалась жителями в порядке. За этим постоянно наблюдали волостные власти — староста, урядник. Каналы предохраняли поля от смыва.

С водой вообще много возни, каждый день надо про воду заботиться. Вот пруды копали вручную и насыпали высокие земляные дамбы, чтобы сохранить воду в тех прудах. Они еще частично сохранились, хотя и в запущенном виде, обмелели и заросли тиной. Там сейчас мелко, грязная вода, лягушки кричат по весне. Один пруд имел дно, выложенное кирпичом» (Тамбовская область, Моршанский район село Покрово-Марфино).

Другой респондент из того же Моршанского района, но уже из деревни Рыбное, довольно подробно воспроизводит бытующие в этих местах, по существу, легендарные исторические схемы, воспроизводящие «золотой век» деревенской экологической картины и обстановки:

> *«При единоличном хозяйстве вдоль речек все подбирали, чистили и камыши, и осоку, и ивняк. Из лозы плели, камыш умело клали на крышу. Никакой дождь не проливал камышовое покрытие. Возле речек было чисто, скошено, прибрано.*
>
> *В 1920-х годах лесом распоряжался сход. Там решали, кому и сколько дать. Назначался срок порубки. Лесник был видной фигурой. Следил, чтобы после лесозаготовок убирали ветки.*
>
> *При единоличном хозяйстве весной и осенью навоз вывозился на участки за 10–15 километров в поле. С такого поля был хлеб...» (Тамбовская область, Моршанский район, село Рыбное).*

Что касается Тверской области, то записанные в нескольких селах и деревнях воспоминания о доколхозных практиках, нацеленных на поддержание экологического благополучия, так же как и в других регионах сельской России, фиксируют ситуации постоянного и результативного взаимодействия жителей, согласования их интересов и трудовых усилий через механизм сельского схода. Вообще говоря, в это единоличное время, в противовес нынешнему состоянию сельского социума, имело место систематическое сотрудничество отдельных крестьянских дворов, направленное не только на поддержание в исправности окрестных угодий, этого кормящего, одевающего, отапливающего природного агрегата, но и постоянно наблюдались акты мирского согласия, ситуации общей договоренности по поводу любых общинных дел и забот.

> *«Во все времена от деревни к деревне дороги, мосты, прогоны для скота содержались в лучшем состоянии. Поддерживал порядок сельский сход. Люди так были приучены, что, например, проходил прогон от деревни к деревне и к лесу, или к пастбищу. Каждый житель в зависимости от семьи и своих возможностей брал и делал столько прясел, которые ему достались. Он должен был за этой изгородью следить периодически — осенью и весной.*
>
> *Кончался весенний сев и до пара, а это недели две-полторы, время использовалось на благоустройство дорог и строительство мостов, поднимали трудоспособных, шли мужчины и женщины, нарубали сушняк, ветки, а потом возили песок, гравий. Дороги засыпались и приводились в надлежащий порядок. А сейчас они в ужасном состоянии» (Тверская область, Осташковский район, Сиговка).*

«До войны Городня славилась своей рыбой, воду из Волги подавали даже в чайных. Влияние бытовых стоков Твери, тверских кожевенных заводов Шишкина и Шкваркина, а также Коняевской мельницы почти не ощущалось. Пройдя около 30 км от города, вода полностью очищалась» (Тверская область, Конаковский район, село Городня).

Такова общая картина социально-экологической проблематики взаимодействия представителей сельских сообществ, в частности — крестьянских единоличных домохозяйств в проекции их неформально-экономической активности, рассмотренной на материале крестьянских устных историй, в которых отражается историческое время накануне коллективизации 1930-х годов.

Экологическая проблематика сельских сообществ времен раннего и зрелого коллективного хозяйства (1930–1960-е годы)

Экологическая проблематика аграрной сферы не может не учитывать ряд общих предпосылок, детерминирующих весь событийный массив, приуроченный к нескольким десятилетиям колхозной эпохи. Наиболее общим фоном соответствующих практик была их фундаментальная идеологическая подоснова. В соответствии с господствовавшими марксистскими схемами только социалистический общественный строй открывает реальные возможности для всеобщего материального достатка и процветания, если не изобилия. Но перед социалистическим обществом никогда не ставилась задача находиться в гармонии с природой. Наоборот, оно конструировалось не в последнюю очередь для того, чтобы конфликтовать с ней. И пусть даже этот конфликт маскировался лозунгами покорения природы, яркими схемами хирургического корректирования и приспособления ее естественных процессов к человеческим потребностям (вспомним И.В. Мичурина и его максиму о «милостях природы», грандиозную целинную эпопею, безумный проект поворота северных рек и множество других распорядительных, всегда амбициозных замыслов и действий), сущность оставалась одной — решительно перелопатить натуру и «окультурить» ей изначальную дикость.

Глубинная причина этого произвольного натиска заключается в том, что окружающая среда опрометчиво описывалась идеологами марксизма как находящаяся в состоянии беспорядка и хаоса. Историческая миссия социализма состояла, в частности, в том, что именно новый, прогрессивный общественный строй должен был ликвидировать этот хаос, «покорить» природу и использовать ее в своих интересах. Интересы прогресса обязывали снять противоречия между средой «как она есть» и какой она «должна быть» (Шанин, 1998). Именно поэтому на протяжении всего советского

периода понятие «покорение природы» играло столь важную роль в официальной идеологии.

На рубеже 1930-х годов, с началом развертывания всей системы коллективизационных мероприятий, в российских селах стали быстро изменяться формы и принципы организации всей крестьянской жизни, включая и ее природоохранную сторону. Социально-экологические привычки сельского населения постепенно ампутировались и довольно скоро они стали коренным образом отличаться от старых, общинно-единоличных алгоритмов повседневности. Не в последнюю очередь это могло осуществиться потому, что деревня стала жестко управляться сверху, при помощи приказов и постановлений. Их логика была продиктована не локальными нуждами и не стремлением поддержать экологический баланс, а необходимостью вписаться в рамки многочисленных советских починов и кампаний. Вместо прежнего хозяина всех сельских угодий — схода, появился колхоз, а вслед за ним и различные отраслевые организации — лесные, землеустроительные, рыбопромысловые, которые взяли на себя большую часть всех старообщинных природоохранных функций, лишив при этом последние их чуть ли не инстинктивной, чутко реагирующей на общую экологическую ситуацию, заряженности. Осторожная чуткость сельского мира к своему природному телу сменилась громогласной переустроительной активностью с ее непременной демонстрационно-показательной компонентой, адресованной высокому начальству. В определенных формах подобного рода практики сохранились и по настоящее время, нередко приобретая (в силу их мощной технологической оснащенности) поистине трагический характер.

Начавшийся в послевоенное время миграционный отток из сел привел к тому, что окраинные деревни постепенно обезлюдели, возникла необходимость укрупнения хозяйств, управляющие органы которых переносились в райцентры и крупные города. Ведомства, монополизировавшие управление природными ресурсами, еще больше удалились от конкретных территорий. Теперь они могли сочинять самые фантастические планы «великого преобразования природы», не будучи связанными контролем со стороны сельского населения, которое должно было безропотно терпеть все последствия претворения в жизнь этих планов. Все эти процессы так или иначе зафиксировались в памяти крестьян. Их рассказы о колхозной эпохе природопользования наполнены довольно ясно различимой тревогой, озабоченностью и порой безнадежностью.

Респонденты внимательно фиксируют прогрессирующую по мере эволюции колхозных технологических порядков степень рачительности и внимательности в ходе осуществления рутинных полевых работ. В рассказах довольно часто фигурирует контраст между каждодневной заботой о собственном приусадебном участке и обезличивающей «казенщиной» колхозных процедур.

Водоохранные привычки доколхозной поры еще довольно долгое время воспроизводились в хозяйственных практиках домохозяйств, контролируемых местной властью. Но с постепенным введением в строй водопроводной деревенской сети речки перестали быть предметом чуть ли не ежедневной заботы и постоянного сезонного ухода.

> *«В 1950-е годы за речкой Теплой еще следили: заплетали берега лозняком, не валили бытовой мусор. За этим наблюдал председатель сельсовета. Русло реки регулярно очищалось и до появления водопровода в 1953–54 гг. из нее брали воду. В окрестностях существовало несколько знаменитых степных колодцев. За ними тоже следили — каждый день вычерпывали из них воду. А как появилась вода в домах — речка стала пропадать, зарастать, пахнуть какой-то заразой. Противно подходить к ней близко...» (Саратовская область, Новобурасский район, село Тепловка).*

Весьма типичный сюжет, постоянно фигурирующий в крестьянских воспоминаниях о колхозных практиках землепользования, — это противопоставление хотя и различных по трудоемкости (машинный труд, разумеется, легче), но несопоставимых по качеству продукции и особенно угнетающих экологическую систему технологий.

> *«...перепахали всё-всё, а урожай не тот, что раньше. Бывало, косишь пшеницу "крюком" — ребро за ребро заходит, а счас? Сели на трактор, наделали валков, они лежат, гниют... Тогда землю обрабатывали лучше. И навоз свой. А еще навозом и топили! А счас колхоз химию везёт..., не хватает. Тогда-то один раз вспашут — глядят — мало. И еще раз вспашут, а счас? Счас не умеют пользоваться землей. Одна химия, птичек по весне не слышно, потравили всех с самолета. Колхоз обработку заказывает...» (Тамбовская область, Моршанский район, село Покрово-Марфино).*

Развитие колхозов заметно повлияло на экологическую систему северных территорий сельской России. Особенно это стало заметным, когда мы записывали крестьянские рассказы в Архангельской области. При колхозах объёмы лесозаготовок постоянно менялись в сторону их увеличения: они планировались государством и год от года нарастали — это считалось делом чести. Сплав леса для его повышенных объемов проводится уже не плотами, а молем, что привело к постепенному засорению рек топляком. А постепенное расхождение между вырубкой и приростом леса стало началом «облысения» тайги в этих местах.

> *«Анастасия Ефремовна Амосова, работавшая девушкой до войны и после войны на лесозаготовках, сравнивает рубку леса тогда и во времена послевоенного колхоза:*

И.: А как лес — рубили выборочно или подряд?
Р.: Если лесозаготовки, то подрост оставляли, чтобы не нарушать. И березы тогда не рубили, потому что ведь молевой сплав был, она все равно скоро осяжала, ну, тонула, утыкалась в дно. И вот дровяных таких старались много не валить, только если уж на дорожке, то уж тогда некуда деваться. Ну, а почвенный-то слой — он на лошадях так-то не нарушался. И где не мешает молода сосенка или елочка, то ее-то не рубили. А пень-от, чтобы не выше десяти сантиметров чтобы был. Чтоб его и видать не было от земли!..
И.: А потом, позже?
Р. (рассмеялась): А потом — как табуретка! Как столбик лавочный!.. Коготки такие были — чтобы вся хвоя ими сграблена была, да и сожгана. Эти коготки наподобие грабелок были — когда жгёшь, всё сучьё обсекаешь. И так вот дорожку-то пройдешь, прочистишь, так еще этим коготком поелозишь, чтобы ничего на земле не было. Чтобы чистота была, как у себя во дворе. А сейчас пойдешь, посмотришь — эх, не зря люди говорят, что невозможно в лесу сесть оправиться, весь зад расцарапаешь» (Архангельская область, Пинежский район, деревня Кобелево).

Вот выборка записей, сделанных в различных регионах сельской России. Они выразительно характеризуют набор, по существу, антиэкологических действий в отношении лесных ресурсов — действий, определяющих в целом потребительское, не задумывающееся о возможных перспективах, хозяйственное настроение колхозных времен. И даже отдельные усилия, направленные на обеспечение заботы о лесных ресурсах территорий, выразительно оттеняют в основном безжалостный, варварский характер типичных лесохозяйственных практик.

«Ухудшение положения с лесом началось в послевоенные годы, когда столетние дубы были выпилены военнопленными и вывезены. Позднее лес добивали вывозом стволов на тракторах. Таким манером безжалостно уродовали лесной подрост, создавали искусственные просеки. Сейчас ухода за лесом вообще никакого нет. Но до войны и в короткое время в 1950-е годы всё население, все дворы участвовали в уходе. Лесник ежегодно приглашал колхозников на так называемую "чистку чащобы". Одновременно лес делили по крестьянским дворам. При дележке каждому доставалось от 15 до 25 стволов спелой древесины, которая срубалась и вывозилась зимой — именно зимой, чтобы не уродовать почву, траву, кустарник — на лошадях. По одному, два бревна, а не целый ворох, как на тракторе. На очищенных полянах систематически подсаживались дубы, причем посадка шла вручную — что лучше и эффективней машинной. Ухудшение ситуации с лесом началось также из-за ликвидации большого самостоятельного лесхоза в селе» (Саратовская область, Новобурасский район, село Тепловка).

«С 1930-х годов начинается второй период, когда образовались колхозы и леспромхозы. Сельскохозяйственная и лесозаготовительная функции разделяются организационно и меняют свой характер. Объёмы лесозаготовок меняются: они планируются государством и увеличиваются. Сплав леса производится не плотами, а молем. Реки поэтому постепенно засоряются топляком. А расхождение между вырубкой и приростом леса стало началом "облысения" тайги в этих местах. Сельское хозяйство ведется новыми организационными методами, но на старой тягловой силе — лошадях, поэтому здесь еще нет признаков резкого изменения характера взаимоотношений человека и природы. Колхозы также используют поскотину, поля все огорожены, сенокосы тоже. Культура агротехники повышается. Сено заготовляется на дальних сенокосах. Хотя и в рамках колхоза, но взаимоотношения с природой идут в русле старых традиций. Основным удобрением для полей остается навоз, так как скота содержится в достаточном количестве, а завоз удобрений затруднен. В то же время организуется рыбзавод на Пинеге, где разводят семгу. В 1950-х годах вводится рыбнадзор, который контролирует вылов семги» (Архангельская область, Пинежский район, деревня Кобелево, дневниковая запись).

«Лес меняли на корма, продавали на стройматериалы или просто за деньги. Местное и районное начальство вплоть до середины 1950-х годов рубило все, что хотело, — по своему желанию. Привычка к этому сформировалась, по мнению респондентов, в военные годы, в прифронтовой полосе здесь постоянного населения практически не было, и из города приезжали на лесозаготовки чужие, посторонние люди. В 1950-х годах, когда опасность такого бесконтрольного хозяйничанья чужих стала очевидной, была усилена власть лесничества. Ему передали и большую часть совхозного леса» (Тверская область, Осташковский район, деревня Сиговка, дневниковая запись).

Характерно, что в крестьянских суждениях явственно прослеживается разница между хозяйственно-экологическим поведением разного рода институций (колхоза, лесхоза, заготконтор, представителей военной промышленности и т. п.) и собственно субъектов, представляющих отдельные семейные домохозяйства, то есть — просто местное население. Упоминания об устойчивых, воспитанных еще в годы единоличных хозяйственных практик, исторических привычках повседневной заботы о сохранности леса — привычках, выработанных в ходе взаимодействия волостных и уездных властей с крестьянским народом, постоянно фигурируют в дискурсивной ткани крестьянских повествований. Это — важное свидетельство определенной оформленности настроения нынешнего сельского мира, горестно, но, по сути, безучастно наблюдающего прогрессирующее оскудение лесных угодий.

Достаточно часто и охотно крестьяне рассказывают о воде — реках, прудах, родниках, колодцах, а также о технологических и продовольственных возможностях, даваемых окрестной водой.

> *«В 1940-е годы рыбы было много. Ловили и на Сиге, и на Селигере. Продавали на санях по всей округе, даже в Селижарове. Ели сами много. Готовили на зиму по две-три бочки соленой рыбы. Тогда разрешали ловить вдоль озера, косили тресту, все берега были чистые. Коров загоняли в воду, и они всю осоку съедали» (Тверская область, Осташковский район, деревня Сиговка).*

Приведем еще фрагмент, в котором обобщены крестьянские воспоминания об изменениях в пространственном облике сельских поселений, — изменениях, связанных с эволюцией колхоза как основной производственно-экономической и одновременно экологической институции села, деревни, хутора.

> *«После коллективизации количество жилых домов сократилось. В довоенном колхозе животноводческие помещения находились еще внутри деревни. Позднее фермы и свинарники были перенесены на южную оконечность села. Именно тогда началось интенсивное загрязнение стоками с ферм. Давление сверху, приказы, почины и компании взламывали краснореченское социальное пространство. Тогда же пахотный клин начинает увеличиваться — удаляться от селитьбы до 15 км, а вся окружающая хутор территория отдается под сенокосы и пастбища» (Саратовская область, Новобурасский район, деревня Красная речка, полевой дневник).*

Экологическая проблематика сельских сообществ времен позднеколхозного периода (1960–1990-е годы)

Мы могли видеть — и на основе собственных наблюдений, и из крестьянских мнений и оценок — что если в предыдущие десятилетия (1930–1960-е годы) были заложены важнейшие предпосылки затронувшего многие стороны сельской повседневности экологического кризиса — идеологическая и организационно-хозяйственная, то уже с начала 1960-х годов к ним добавились еще и поистине безграничные технические возможности для претворения в жизнь самых смелых планов «покорения природы». И уже буквально через считанные годы последствия такой политики проявили себя в полной мере. Всю местную экологическую политику стали определять руководители сельскохозяйственных производств и специализированных служб. В своей работе они руководствовались собственным идеалом культурного сельского ландшафта — упрощенным, однобоким и, как правило, предельно примитивным. Основными его элементами должны были стать некие препарированные, специально

подготовленные чуть ли не для механическо-индустриального потребления природные комплексы и ресурсы. Вместе с увеличением числа ведомств, которые могли распоряжаться природными ресурсами (в этот период отечественной истории к ним добавились военные, строители, связисты, энергетики, транспортники, газовики, нефтяники, агрохимики), и отсутствием каких-либо юридических ограничений у всех этих организаций, как правило, устроенных по военному образцу с единоначалием и беспрекословным подчинением сверху донизу, появились мощные рычаги воздействия на природу, которые решительно превзошли все, что было известно ранее.

Продолжающаяся быстрыми темпами депопуляция сел, особенно северных и нечерноземных, вызвала всеобщее запустение, прекращение всякого надзора за природой, уменьшение площади пашни и вообще всех сельскохозяйственных угодий, одичание природы и уменьшение освоенности территории. Если принять во внимание, что поселение и опоясывающая его территория обнаруживают в своей организации некие животворные по своему существу «социально-экологические годовые кольца» — следы исторически различных способов хозяйствования, то в описываемые десятилетия они сжимаются, упрощаются, сводятся на нет.

Культ индустриализма, сопутствовавший советскому государству с первых лет его основания, породил настойчивые попытки внедрить индустриальные принципы организации в сельскохозяйственное производство. В селе появились огромные животноводческие комплексы, сбрасывающие стоки, как средний по размерам поселок, а также довольно уродливые сельские агрогородки, вобравшие в себя все недостатки городского жизненного пространства и не организовавшего ни одного из позитивных черт и достоинств городской жизни. Крестьяне не могли справиться с этой неуправляемой, идущей от бюрократических институтов, зловещей стихией. Старые, испытанные в традиционных сельских мирах способы защиты собственных, частных интересов были основательно забыты, а порой законодательно упразднены, да и сами сельские общины стремительно стратифицировались уже по иным, чем прежде, основаниям. Сельские общества последней трети XX века оказались разделенными на местных и приезжих, сельскую технологическую и управленческую элиту и рядовых колхозников, старых и молодых селян, недавних горожан и дачников. Все они явились носителями различных представлений о территории проживания, демонстрировали и культивировали спектры несовпадающих и часто противоречащих общему укладу потребности. Представления о моральности тех или иных способов природопользования также начали заметно различаться. В этих условиях сельские сообщества не были внутренне ориентированными на согласованные действия по поддержанию исправного состояния экологической и жизненной среды. Они не стремились овладеть ситуацией, или им не удавалась

выработать единую согласованную политику и взять под контроль свою территорию, ориентируюсь хотя бы на известную старожилам практику начала XX века.

Наши вопросы, касающиеся успешных примеров такого воссоздания каких бы то ни было позитивных экологических традиций, задаваемые крестьянам разных возрастов и профессий, ни в одном из обследованных сел не получили позитивных, обнадеживающих ответов. Вот ряд примеров, извлеченных из тех крестьянских нарративов, где обсуждаются конкретные детали деградации прежде достаточно исправной социально-экологической и производственно-экономической среды повседневной жизнедеятельности сельчан:

«Последние 20–25 лет с местными деревенскими речками беда — Соколка и Лошок превратились в пересыхающие летней порой ручейки, систематически отравляемые выбросными стоками с животноводческих комплексов и коттеджей Нового поселка. В конце 1950-х в речках совершенно исчезла рыба. Заилились родники по берегам двух рек. Не стало источников поверхностной чистой питьевой воды. Последние 10–15 лет питьевую воду получают из двух артезианских скважин, в жаркий период воды не хватает — она вся идет на полив (Саратовская область, Новобурасский район, село Лох, дневниковая запись).

«В окрестностях села Городня леса находятся в водоохранной зоне, и рубки там запрещены. Их периодически чистят и подсаживают. Но в лесах очень много стало грибников и охотников до лесных ягод. Много приезжают из Твери, Редкино, Москвы. Появляются дикие лагеря отдыхающих по 40–50 палаток, которые выгребают из леса все в радиусе 2–3 километров. Из Твери приходят суда с отдыхающими и пристают к берегу на полдня. Толпы этих так называемых "туристов выходного дня" за это время тоже успевают все выбрать подчистую. Не отстают от них отдыхающие турбазы "Верхневолжская" и дома отдыха "Игуменка"» (Тверская область, Конаковский район, деревня Городня, дневниковая запись).

«Когда качество воды стало ухудшаться, а речка — зарастать, мелиораторы чистили ее машинами, срезали камыши, углубляли дно какой-то землечерпалкой на гусеницах, так что мертвую рыбу выбрасывало прямо на берег. Но это только привело к тому, что перекопали все заводи, где раньше было много рыбы, а качество воды продолжало ухудшаться. Если рыба до сих пор еще кое-какая есть, то это потому, что она спускается с верховьев речек, впадающих в озеро с запада. Рыбоохраны в районе нет, этим занимается милиция».

«Раньше рыбу ловили бродцом и курицей — это такие сети на рукоятках. Они были во всю речку шириной. Но никто это за бра-

коньерство не считал. А потом, недавно, начали бить рыбу электричеством, ну, током. Вот, линия электропередач идет от Угрюмой Горы в Лунино прямо через наше озеро. А там есть островок, где можно было поставить столб, чтобы по нему подниматься к проводам. И кроме того, еще столбы стоят — прямо в воде. И вот местные мужики приспособились снимать ток прямо с проводов в озеро. Так много рыбы побило током».

«Сейчас рыбу "лучат" не с проводов, а ездят по озеру с аккумуляторами. Рыбу — и крупную, и мелочь — приманивают ночью светом мощного фонаря и включают ток — прямо в воду. Так ведь безопасней, чем с проводами возиться, и можно в любом месте так делать» (Тверская область, Лесной район, деревня Свищево).

Последняя цитата, кроме всего прочего, оправдывает нововведение соображениями безопасности, что свидетельствует о постепенном укоренении в сознании сельчан принципиальной допустимости подобного рода браконьерских действий. И это, на наш взгляд, наиболее тревожное последствие общего пренебрежительного настроения в отношении с природой. Экологическая безучастность и одичание всё глубже укореняются в сознании людей, причем самоубийственность такого рода действий никак не рефлексируется.

В регионе Нечерноземья сначала с воодушевлением, а потом весьма болезненно были восприняты государственные программы мелиоративных работ. До конца непонятно, с чем связана такая оценка местных жителей, однако очевидные технологические несообразности в такого рода мероприятиях стали (с накоплением опыта наблюдения) для сельчан очевидными, поскольку они располагали возможностью сравнить прошлую и вновь созданную экологическую ситуацию — причем даже в самых незначительных мелочах.

«В 1970-е годы мелиораторы почему-то решили осушить болотистые низины возле озера. Зачем было осушать — непонятно. Сено и так было хорошим, а пахать низины всё равно нельзя. Наши отцы так никогда не делали. Но эти приезжие мелиораторы выкопали несколько каналов, а из ручьев тоже сделали канавы. И получилось так, что совсем уничтожили приток Кремницы — речку Обретёнку. Теперь там всё заросло и стало непонятно что. А на более сухих полях они, наоборот, ложили дрены, корчевали и засыпали ручьи. Зачем это?» (Тверская область, Лесной район, деревня Свищево).

Вообще говоря, чем дальше развертывается история колхозных технологических порядков, тем больше удаляются от земли и от практик ее традиционной обработки руководители сельскохозяйственных предприятий. Рассказывая об этом, наши сельские

информанты почти всегда в своих взволнованных повествованиях перебрасывались на смежные с проблемами ухода за землей и обработки пашни неурядицы экологической обстановки в деревне последней трети XX века.

> *«Тут у нас севооборота никакого, одно и то же сеют на полях по нескольку лет. Изгороди почти отсутствуют. Коровы выпасаются прямо на сенокосных полях. Пастухи носятся за ними на мотоциклах и лошадях. Коровы стельные, на сносях пасутся вместе с остальными. Если у коровы случится выкидыш, то мертворожденный теленок валяется на лугу, в лучшем случае его спихнут в озеро.*
>
> *Опушка леса за деревней превратилась в стихийную свалку. Мусор вывозить на общественную свалку нечем, а общественного транспорта нет. Лесные угодья значительно оскудели. Если по поводу морошки существует поговорка: "пойдешь за морошкой, протянешь ножки", то сейчас она применима к любой ягоде, потому что количество их невелико. Не всякая хозяйка и семья успеет их насобирать. То же и в отношении грибов. К такому оскудению привел и тот факт, что построенная железная дорога Архангельск — Карпогоры вызывает летом и осенью буквально паломничество охотников за ягодой и грибами из Архангельска и Северодвинска. Здесь есть даже особый вид рюкзака, его называют "кан". Это промышленно изготовленная легкая, удобная, дюралевая емкость, которую можно носить на лямках за спиной, в ней грибы и ягоды не мнутся. Да и на этот самый "кан" можно сесть, как на стул» (Архангельская область, Пинежский район, деревня Кобелево).*

Таким образом, последняя треть двадцатого столетия обернулась историческим временем, когда поистине коренные, часто просто непоправимые перемены произошли в базовых элементах пространства крестьянской жизнедеятельности. Экологическая обстановка стала не только непривычной, но и поистине чужой, заставляющей менять традиционно устойчивые производственно-экономические технологии крестьянских домохозяйств. Рассказы крестьян звучат всё более тревожно, так как экологическая обстановка становится такой, что все больше угнетает население.

> *«Естественных лесов теперь почти нет. К северо-востоку в балке есть небольшой участок леса, есть участки лесопосадок. Но даже там не было санитарных рубок. К тому же в окрестностях хутора отсутствует организованная и специально оборудованная свалка мусора и навоза. Навоз сваливают в Березовку техникой — у колхоза "нахальства хватает". "Хозяев сейчас нету. Нету и всё тут! Раз уж сделали — так сделайте в одном месте.*

А то ведь и от свиней, и от коров, и мусор, и шифер битый — всё гуртом сваливают. Всю балку уже заполонили. И сыпали бы в одну кучу. Травку последнюю засыпаете. Последующие — рядом валят, и свалка расползается. Перегной, наоборот, поедает траву, ей не пробиться. От садов остались садики, у домов растет по нескольку деревьев"» (Волгоградская область, Даниловский район, хутор Атамановка, дневниковая запись).

«Сейчас дно реки Юг, которую раньше чистили судном-"грязнухой" даже от камней, устилает топляк, на несколько метров. Вода сейчас часто стоит зеленая — не только от гниения леса, но и от навоза. Он спускается с ферм от коров, которые все лето стоят в речке. Зайдут и стоят. Пьют и прямо в реку гадят. Раньше-то их хозяева и близко к реке не подпускали — понимали, что такое есть чистая вода! В Кичменгском городке канализация из больницы идет прямо в реку, из сельхозтехники все отходы тоже идут в реку. В реке не стало раков. Была рыба — судак, стерлядь, пельма. Сейчас судак в реку не заходит. Стерлядь и пельму ловят нещадно. Воду для питья из реки теперь не берут.

Сейчас на месте бывших сенокосов и пастбищ растет лес и кустарник. Все поля оказались запущенными. Теперь здесь очень мало засевают. Мелиораторы приложили руку — все перекопано, до конца не доведено. Там, где проводили мелиорацию, остались одни овраги, растет только дудник, который скот не ест. Да ольха поперла, как армия. Поле напротив Ивановщины, под коренным берегом реки, — его распахали под рожь. Зачем такая дурость — ведь почти каждый год вода здесь всё заливает. Раньше там заготавливали по 200 центнеров отличного заливного сена, хоть сам ешь, такая красота для коровок. А теперь — ни туда, ни сюда. Так и начинается эрозия почв. Да что там эрозия — так жизнь прежняя уходит навсегда» (Вологодская область, Кич-Городецкий район, село Леонтьевщина).

«Техники много, солярку везде разливают. Комбайны и трактора мыли в реке. С фермы вся навозная жижа течет в озеро. Ферма не обвалована. Озера пересохли, над ними стоит дымка» (Алтайский край, Завьяловский район, деревня Александровка).

В подобных записях и крестьянских нарративах обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Если раньше, рассказывая о раннеколхозных (и особенно — единоличных) хозяйственных практиках, крестьяне постоянно упоминали о действиях отдельных крестьянских дворов, хозяйств, рассказывали о различных неформальных социально-экологических акциях, направленных и на эксплуатацию, и на «ремонт» окружающей среды, на поддержание ей исправного состояния, то уже в последней трети века семей-

ные домохозяйства исчезают из информационного пространства. И, наоборот, на первый план — деструктивно, грубо, прямо-таки по-варварски — выдвигаются разного рода региональные производственно-хозяйственные институции (колхозы, совхозы, леспромхозы, заготконторы, мелиоративные отряды и т. п.).

> *«Рыбы уничтожено много. Завели карпа, за ним стали приезжать из города, и не с удочкой — со взрывчаткой. Резко ухудшилось качество воды. В верховьях реку Иню загрязняют угольные шахты, Беловская ГРЭС, городские и коммунальные стоки Кузбасса. Вода Ини — очень грязная. Сбрасывают отходы животноводческие фермы, идет распашка в пределах водоохранной зоны. Подземные воды не защищены от поверхностного загрязнения, а они используются для водоснабжения».*

> *«С лесами — сердце разрывается. Это прям сверхварварство. Сейчас — как Мамай прошел, не живем, а отживаем. Что наши внуки увидят?»*

> *«Площадь кормовых угодий уменьшается, а поголовье общественного и личного скота растет. Животноводческие фермы экологически опасны. Нет стационарного навозохранилища, нет площадок для компостирования навоза, отсутствуют приспособления для его нормального функционирования. Нет систем биологической очистки. Фермы располагаются на возвышенных местах, на берегах рек, озер, прудов. Водопои нуждаются в дополнительном оборудовании. Они размещены в 200 метрах от уреза воды. Скотные дворы вовремя не ремонтируются, каналы полны навозной жижей. Колодцы чистили лишь один раз за 15 лет. Дачи городские совсем пастбища заполонили, всё живое, природное вытеснили» (Новосибирская область, Новосибирский район, село Плотниково).*

Как можно видеть, никакой разницы, даже в такой мелкой детали, как прудовое и лесное локальное хозяйство, не наблюдается. Это понятно — государственная и региональная политика того времени не принимала в расчет какие бы то ни было соображения, диктуемые необходимостью сбережения природы. Та довольно продолжительная эпоха, 30–40 лет — время если не варварского, насильственного покорения, то уже точно радикальной переделки экологической среды.

В исследовательских материалах представлена попытка документального описания, построенного, во-первых, на включенных визуальных наблюдениях самих социологов, выезжавших в экспедиции, и, во-вторых, на свидетельствах непосредственных очевидцев, местных жителей, имеющих опыт неоднократного, буквально многолетнего наблюдения за деградацией экологической среды. В этих материалах в качестве доминанты проходит эмпирическое

обобщение, суть которого такова — местные природные базовые комплексы (лес, вода, земля) угнетались прежде всего при активном участии различных государственных институций, приуроченных к различным министерствам и ведомства. Отсюда — несогласованность и хаотичность производственно-экономических акций, не предполагающих тщательной заботы об их отрицательных экологических последствиях.

«Вот особенно сейчас: называют, например, санитарная рубка. Это что, по-настоящему-то? Больные деревья, сухостой, аккуратно распилить и вынести. А сейчас что делается?! Это кошмар и ужас! Санитарную рубку проведут так, что туда не только пешком, но и на тракторе не проедешь. От кого это зависит? Да от начальства, от кого же еще? Потому что ничье стало всё, нет никакого хозяина. Вернее, много хозяев, каждый начальник — хозяин. А что начальники? Для них план — главное. Нарубить, например, столько-то кубометров. Нарубили и отчитались, а вывезли его или нет, дошел ли он до дела, попал ли на лесопилку, деревокомбинат — это уже их вовсе не касается. И лес сплошняком рубят. Раньше-то — тогда были клинья: какое дерево срубить, какое оставить, выборочная была рубка. Лес выбирал лесник из лесхоза. Ходил и метил деревья, с толком. Следили за лесом, выделяли леспромхозу участки. Там клеймили деревья с хорошими шишками, чтобы был самосев. Сейчас все рубят полностью, и растет только ольха. Лес вывозят так, как будто нам самим его ничуть не надо. Его меняют в Осетии на комбикорм, а ведь этот комбикорм и здесь можно точно такой же сделать. Сейчас лес не сажают. Раньше были заборы вокруг лесосеки и питомников, в лесхозе были специальные люди с техникой, которые этим занимались. Сейчас уничтожают остатки» (Тверская область, Конаковский район, деревня Городня).

«Водные ресурсы сильно запущены. В 1950-е годы на плотине стояла мельница. У нее были шлюзы, регулировавшие воду в плотине. Это были щиты на цепях и плюс бревно с качалкой, как в хорошем колодце. Мельник сам смотрел за уровнем, берег воду. После молотьбы закрывал шлюзы, а в дожди и весной — наоборот, открывал. Вода перекрывалась и у озера Сиг. Еще в 1950-е годы плотину чистили — закрывали лоток у Сига, открывали под плотиной, и вода вся уходила. Все дно аккуратно чистили. Сейчас это не делают, озеро превращается в болото, зарастает тиной и водорослями. Озеро мелеет, вода более теплая, водоросли растут еще сильнее».

«На берегу совхоз раньше держал уток. Они поедали всю осоку и траву. Большие клетки стояли на самом берегу озера. Но рыбы все равно хватало. Рыбаки ловили, прямо стоя на клетках. До 1960-х

годов рыбу ловили даже сетями, но она не переводилась. Потом стали заготавливать электротралом. Это страшная вещь, уничтожает все подчистую. Оставляли только крупную рыбу, а мелочь выбрасывали» (Тверская область, Осташковский район, деревня Сиговка).

Основные проблемы всех без исключения сельских регионов России, обследованных с точки зрения их экологического состояния, связаны с землей как основным производящим ресурсом сельских миров.

«Земли сейчас у нас очень сильно заражены. Появился колорадский жук, нематода. Даже морковь, требующую частой прополки, посеяли в Спицыно. Там ее полоть как надо никто не будет, далеко ездить, но у Сиговки почти вся пашня "заражена просом". Раньше обработка земли была очень тщательной. Землю на грядах утрамбовывали специальной широкой трамбовкой. Бок у грядки становился поэтому плотным и не обрастает сорняками. Корни у сорняков далеко не проникают, и он не развивается. А сейчас много сорняков — потому что кормят скот комбикормом, зерна остаются в навозе, а он не лежит 3–4 года, как это и положено, а сразу везется на поля».

Минеральные удобрения впервые появились в совхозе после войны. Многие и раньше считали, что от них только вред, но тогда приказывали — сыпь без разговоров. Требовали большие урожаи, об экологии вообще не думали, о всяких там нитратах тоже — пусть вредно, лишь бы много. Но урожаи не увеличились, "только землю испортили". Примерно с 1965 года в совхозе стали снова использовать навоз, урожаи повысились. В 1990-х годах весь Осташковский район перешел на эти привычные органические удобрения, так как стал официально считаться курортной или рекреационной зоной. Но минеральные удобрения по-прежнему заставляли брать. В Сиговке их не применяли, если завозили, то чаще в кучу сваливали — дожди эти кучи размывали и все это добро сплошняком несли в озеро» (Тверская область, Осташковский район, деревня Сиговка).

Такова обобщенная картина, характеризующая социально-экологическую ситуацию в ряде ключевых регионов сельской России. В чем ее специфичность? Появились ли моменты новизны по сравнению с временами ранних и уже вставших на прочные ноги колхозов? Представляется, что специфика ситуации может быть выражена одним словом — «притерпелись». Сельское население, хотя и горестно переживает за заметно покалеченную среду обитания, привыкло переносить эти неудобства со стоическим терпением. Отсюда — и некоторая эпичность интонаций наших рассказчиков.

Отсюда и достаточно спокойные перечислительные конструкции в устных повестях о местной природе. И главное — население приняло как неизбежность хозяйственно-экономический произвол различных организаций, пришедших в деревню в 1960–1970-х годах и продолжавших там оставаться до конца 1990-х годов.

Библиография

Ахиезер А.С. (1990). Экологические проблемы на Съезде народных депутатов СССР (май–июнь 1989). М.

Веклич О.А. (2004). Эколого-экономические противоречия. О некоторых вопросах моделирования экономических процессов с учетом экологических проблем // Вестник МГУ. № 3.

Докторов Б., Сафронов В. (1990). Экологическое сознание, социальная коммуникация и ситуация в обществе: закономерности связи и развития // Разработка научных основ изучения и формирования экологического сознания населения страны. Ч. I / Отв. ред. Б. Фирсов. М.

Креймер М.А. (2013). Эрнст Геккель и экология // Вестник СГГА. № 4 (24). С. 126–142. URL: http://econf.rae.ru/pdf/2014/02/3177.pdf (дата обращения: 14.07.2018).

Моисеев Н.Н. (1982). Человек, среда, общество. Проблемы формализованного описания. М.: Наука.

Торопов Д.И., Соколова И.С. (2010). Малое предпринимательство: сельский аспект // АПК: экономика, управление. № 2.

Уразаев Н.А., Вакулин А.А., Никитин А.В. (2000). Сельскохозяйственная экология. М.: Колос.

Хильми Г.Ф. (1975). Уроки биосферы // Методологические аспекты исследования биосферы / Ред. И. Новик, Г. Хильми, А. Шаталов. М.

Шанин Т. (1998). Идея прогресса // Вопросы философии. № 8. С. 33–37.

Шубин А. (1992). Экологическое движение в СССР и вышедших из него странах // Экологические организации на территории бывшего СССР. М.

Яницкий О. (1978). Взаимодействие человека и биосферы как предмет социологического исследования // Социологические исследования. № 3.

Η εκκλησία λεξικό (Церковный словарь Назаренко) (2013). Словари и энциклопедии на Академике. URL: https://church_el_ru.academic.ru/1348/%CE%BB%CF%8C%CE%B3%CE%BF%CF%82 (дата обращения: 02.08.2018).

Haeckel E. (1866). Generelle Morphologie der Organismen. Allgemeine Grundzüge der organischen Formen-Wissenschaft, mechanische Begründet durch die von Charles Darwin reformirte Descendenz-Theorie. Vol. II: Allgemeine Entwickelungsgeschichte der Organismen. Berlin: G. Reimer.

Egerton F. (2013). History of Ecological Sciences, Part 47: Ernst Haeckel's Ecology. Bulletin of the Ecological Society of America. Vol. 94. Issue 3. P. 222–244. URL: https://doi.org/10.1890/0012-9623-94.3.222 (дата обращения: 06.08.2018).

Ecology of the rural world in the perception of peasants

Valery G. Vinogradsky, DSc (Philosophy), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru.

Olga Ya. Vinogradskaya, Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: vgrape58@yandex.ru.

The article considers environmental issues in rural areas of some Russian regions throughout the last century. The distinctive feature of this research is that the ecological history of rural areas is reconstructed through the reflections of peasants that are constantly involved and acting in the rural everyday life. The authors analyze a large number of narratives collected in the sociological expeditions during the last 25 years, and suggest to consider the environmental issues in rural areas in different historical periods not only as a continuous search of the societies for their place "in the family of nature" but also as a gradual enclosure of societies from nature. The authors divide the ecological history of Russian rural areas in the last century — early 21st century into four periods approximately equal in duration: "old" or "communal-individual" period (1929–1931); "new" or "collective-farm and state-farm" — from the beginning of collectivization to the late 1950s — early 1960s; "mature" or "late-collective-farm" — from the early 1960s to the early 1990s; "the newest" or "farmer-agroholding" — from the agrarian reforms of the 1990s–2000-s to the present time. The article presents a general picture of the social-environmental situation in a number of key regions of rural Russia during the first three periods. The authors believe that "the newest" or "farmer-agroholding" period in the ecological history of Russian villages needs a special study due to the radical changes determined by it.

Key words: rural ecology, rural world, environmental issues, rural areas, economic practices of peasant households, environmental institutions, environmental behavior, local ecosystem.

References

Akhiezer A.S. (1990) *Ekologicheskie problemy na s'ezde narodnyh deputatov SSSR (maj-iyun 1989)* [Environmental Issues at the Congress of People's Deputies of the USSR (May-June, 1989)], Moscow.

Doktorov B., Safronov V. (1990) Ekologicheskoe soznanie, socialnaya kommunikatsiya i situatsiya v obshchestve: zakonomernosti svyazi i razvitiya [Ecological awareness, social communication and social situation : Patterns of interconnection and development]. *Razrabotka nauchnyh osnov izucheniya i formirovaniya ekologicheskogo soznaniya naseleniya strany*. Ch. I. Otv. red. B. Firsov, Moscow.

Egerton F. (2013) History of ecological sciences, part 47: Ernst Haeckel's ecology. *Bulletin of the Ecological Society of America,* vol. 94, no 3, pp. 222–244.

Haeckel E. (1866) Generelle Morphologie der Organismen. Allgemeine Grundzüge der organischen Formen-Wissenschaft, mechanische Begründet durch die von Charles Darwin reformirte Descendenz-Theorie. V. II: *Allgemeine Entwickelungsgeschichte der Organismen,* Berlin: G. Reimer.

Khilmi G.F. (1975) Uroki biosfery [Biosphere lessons]. *Metodologicheskie aspekty issledovaniya biosfery.* Red. I. Novik, G. Khilmi, A. Shatalov), Moscow.

Kreymer M.A. (2013) Ernst Haeckel i ekologiya [Ernst Haeckel and ekology] *Vestnik SGGA*, no 4, pp. 126–142.

Moiseev Kh.Kh. (1982) *Chelovek, sreda, obshchestvo. Problemy formalizovannogo opisaniya* [Man, Environment, Society. Challenges of Formal Description], Moscow: Nauka.

Shanin T. (1998) Ideya progressa [An idea of progress]. *Voprosy Filosofii*, no 8, pp. 33–37.

Shubin A. (1992) Ekologicheskoe dvizhenie v SSSR i vyshedshih iz nego stranah [Environmental movement in the USSR and the countries that emerged from it]. *Ekologicheskie organizatsii na territorii byvshego SSSR,* Moscow.

Toropov D.I., Sokolova I.S. (2010) Maloe predprinimatelstvo: selsky aspekt [Small entrepreneurship: A rural aspect]. *APK: Ekonomika, Upravlenie*, no 2.

Urazaev N.A., Vakulin A.A., Nikitin A.V. (2000) *Selskohozyajstvennaya ekologiya* [Agricultural Ecology], Moscow: Kolos.

Veklich O.A. (2004) Ekologo-ekonomicheskie protivorechiya. O nekotoryh voprosah modelirovaniya ekonomicheskih processov s uchetom ekologicheskih problem [Environmental-economic contradictions. On some questions in the modelling of economic processes taking into account environmental issues]. *Vestnik MGU*, no 3.

Yanitsky O. (1978) Vzaimodejstvie cheloveka i biosfery kak predmet sociologicheskogo issledovaniya [Interaction of man and biosphere as an object of sociological research]. *Sociologicheskie Issledovaniya*, no 3.

Η εκκλησία λεξικό (Tserkovny slovar) [Church Dictionary] (2013). URL: https://church_el_ru.academic.ru/1348/%CE%BB%CF%8C%CE%B3%CE%BF%CF%82.